

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПРЕДИСЛОВИЯМ, ИЛИ НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БУМАЖНЫХ ОБЛОЖЕК

Е.Л.МИХАЙЛОВА

У несколько позабытого нынче Василия Шукшина есть престранная сказка «До третьих петухов»: там «путь героя» состоит в походе к некоему Мудрецу за справкой, что герой – Иван-дурак, понятное дело – умный. Ответь, мол, на три вопроса... ответишь – дам тебе справку. Далее – по тексту: «Давай, – с неохотой сказал Иван, – во всех предисловиях написано, что я вовсе не дурак». «Предисловия пишут... Знаешь, кто их пишет?»

И правда, раньше мы все это знали: пишут их «держатели акций», которым только и положено *объяснять*, особенно если книга переводная, а если своя, то это – форма поддержки, примерно как «отзыв ведущей организации». Теперь же в объяснениях, напоминающих штамп «дозволено цензурой», никто не нуждается, союзы заключаются тоже в других формах. Предисловие перестало быть кастовым знаком, оттого его вообще не всегда обнаружишь, а написать может всяк, кому не лень.

Так случилось, что к книгам серии «Библиотека психологии и психотерапии» независимого издательства «Класс» их обычно не лень писать мне. Прежде всего потому, что это действительно *классные* книжки, и притом очень разные: одни – совсем популярные, для «человека с улицы», другие – чисто (и даже узко-) профессиональные, а чаще всего – сочетающие высокий уровень и авторскую вольность, написанные, что называется человеческим языком.

Место такой переводной литературы – между: профессиональным сообществом – и потенциальными клиентами, *той* (преимущественно англоязычной) культурой – и нашей; наконец, между разными подходами (языками) внутри самой психотерапии. *Время* таких книг еще только настает, потому что для исполнения своей роли их непременно должно быть много. Роль же эта, как представляется, скромная, но необходимая: создание общедоступного контекста профессии, в котором постепенно проступит смысл отдельных явлений, понятий, имен.

Предисловие как «жанр в жанре» дает возможность и с коллегами словом перекинуться, и со случайным прохожим у книжного лотка поговорить: а вдруг у него есть привычка листать первые страницы (по старой, возможно, памяти, когда ему там что-то объясняли) – это такой шанс вступить в контакт с тем человеком, для которого книга, в сущности, и переводилась! Поговорить – легко, не подразумевая ни важности собственных слов, ни даже дочитывания их до конца: просто окликнуть. Скорее с любовью, нежели с академическим пиететом по отношению к предмету и автору. Слова, в общем, все уже сказаны – важна интонация.

Настанет день, когда «Класс» перейдет на твердые переплеты, которые, конечно, будут какого-нибудь солидного цвета – ну, не совсем болотного, как «Литпамятники», но, скорее всего, не сегодняшнего солнечного, легкого... И тогда понадобится и возникнет более мощный издательский аппарат, и прекратятся бдения с редактором в клубах дыма, когда это чертово слово все не находится; каждый будет наконец-то занят своим делом, и даже от шрифта повеет чем-то *comme il faut*...

«Фронтир» – продвижение на новые территории, делание всего на свете своими руками, воздух свободы и прорва тяжелой работы, смесь здравомыслия и авантюриности, личное отношение ко всему и ко всем – всегда заканчивается благопристойным и немного пыльным поселением. Тогда автору этих строк не останется, пожалуй, ничего лучшего, как сложить бумаги стопочкой и отправиться за справкой – той самой.

И все это вместе будет означать, что в нашей профессии наступают другие времена, для приближения которых – среди прочего было нужно так много книжек в легких бумажных обложках.

Екатерина Михайлова

РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ФЕЙ

Предисловие к книге Дорис Бретт «Жила-была девочка, похожая на тебя...

(Психотерапевтические истории для детей)»

Мать: *Ну, что у тебя нового?*

Взрослая дочь: *Вот шляпку купила, черную, бархатную.*

Мать: *А, это такую, какие еще в прошлом году из моды вышли?*

Телефонный разговор

Многоуважаемый читатель!

Профессионал Вы или вдумчивая мама, одно известно о Вас наверняка: Вы – бывший ребенок. И это очень, очень важно для того, чтобы с удовольствием и пользой читать книжку Дорис Бретт «Жила-была девочка, похожая на тебя... (Психотерапевтические истории для детей)», и действительно помочь другим детям – своим или чужим – справиться с разными трудностями и печалью.

Но сначала давайте сами вспомним кое-что неприятное (ненадолго, обещаю).

Например, последнюю ситуацию, когда чувствовали растерянность и беспомощность, а, может быть, и отчаяние. Сами себе мы не нравились чрезвычайно, и в тот момент казалось, что иначе и быть не может. Хуже всего было то, что любые *мысленные* попытки «пробиться» – все-таки спасти разваливающуюся запеканку, или завести машину, или разобрать бумаги, или кого-то в чем-то убедить – заведомо казались никчемным, жалким барахтаньем. И почему-то даже то, что мы не раз с честью выходили из куда более серьезных испытаний, не вселяло надежды. Да что там, это даже и не помнилось! Как будто внутри все «эфирное время» занял кто-то, кто обращает внимание только на огрехи: не так! Опять не так! Печально, но ведь именно это имеют в виду, когда говорят, что кто-то кого-то «начал воспитывать»: не так – не так – не так...

Что человек делает под огнем критики, которая тоже *когда-то* была чужой и понемногу забралась внутрь? Да то же, что и вообще под огнем: в ужасе замирает, бестолково мечется; если вооружен – отстреливается... У каждого из нас бывают моменты, когда мы понимаем, что делаем что-то не то... и замираем в беспомощности или с жаром доказываем, что были-

де объективные причины, – в общем, ведем себя вполне по-детски. Впрочем, *не вполне* (иначе где же фантастическая изобретательность, энергия, доверие к жизни?), а подобно ребенку, загнанному в тупик. Это не так, то не так, а как – не говорят, не показывают, а, может быть, и не знают сами.

А теперь обратите внимание, с чего начинается эта книжка: дочка автора была крайне застенчивой, отличалась от других детей, воплощала некую материнскую *несостоятельность*. Тем более, что мама – детский психолог. («Так значит, и "они" ничего не знают и не могут?»)

Обе – мама Дорис и трехлетняя Аманта – находились в зоне, где «все не так». И появление историй про девочку Энни было не столько приемом коррекционной педагогики, сколько *выходом* для обеих в новое «пространство». Безопасное, творческое, не отягощенное «*нетаками*». *Иное*.

Почему это «срабатывает» для детей, довольно подробно объясняется в книжке. Хочется, однако, обратить внимание читателя на то, что «байки про Анюту» очень помогают и самим родителям. Вместо того, чтобы теряться в догадках о том, что мы делали *не так* и барахтаться в чувстве вины («недоглядели, недоработали; мать, называется...») и стыда («у всех дети как дети...»), то есть невольно подключиться к собственному эмоциональному состоянию «ребенка в тупике», мы получили возможность как бы посмотреть со стороны на похожую историю с заведомо хорошим концом, отчасти даже ее сочинить. Мы можем представить себя на месте мамы Энни или доброй феи, подсказывающих *решения* вместо того, чтобы критиковать. А можем, как ни странно, отождествить себя с этой чудесной несуществующей девочкой, которой так славно и тактично помогли, которая так по-детски мудро справилась...

Сочиняя по предложенной Дорис Бретт модели «терапевтические истории» (так называют в серьезной профессиональной литературе этот жанр, занявший в современной психотерапии достойное место), родители в какой-то мере решают и свои проблемы. А они, конечно, существуют – хотя бы потому, что у них тоже есть или были родители, а Фея-Крестная, возможно, давно не появлялась.

Екатерина Михайлова

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ (от издателей)

Предисловие к книге Ричарда Саймона

«Один к одному: Беседы с создателями семейной терапии»

Одни авторы этого сборника умерли классиками, другие классиками живут, а третьи – просто знамениты.

Неклассическим можно считать здесь только один голос – «хозяйина вечеринки», составителя и интервьюера Ричарда Саймона. Без него

праздник – а эта книга действительно *nip*, и не только для профессионалов – состояться бы не мог.

Художники, писавшие семейные портреты, порой запечатлевали и себя – вполоборота, с палитрой и кистями – в правом углу холста. Место, возможно, скромное, но счастливо то профессиональное «семейство», где оно не пусто. В нашем же случае «художник» – член семьи, «интерьер» ему родной, а портрет писан больше для своих, хотя интересен и гостям, и просто любознательным, и – конечно! – наследникам.

Блистательные интервью звезд семейной терапии, собранные в книге, до того появлялись на страницах журнала «The Family Therapy Networker», основного детища Р.Саймона. Они – часть постоянного диалога школ, теорий и авторов, профессиональной культуры общения, в которой нас в первую очередь поражает способность к открытой, но притом совершенно не воинственной дискуссии.

Последователей, как и оппонентов, хватает всем. На знание истины «в окончательной редакции» не претендует никто. Громкая популярность приходит и уходит, суждения и интересы знаменитых коллег со временем меняются, пути их сходятся и расходятся – это жизнь. И «Networker» отражает, фиксирует (а может быть, отчасти и формирует) пульс жизни одного из самых живых и пестрых профессиональных сообществ. В этом «едином информационном пространстве» культивируется многообразие, обратная связь и «все жанры, кроме скучного».

Книга сохранила самое неуловимое, что есть в живом общении – интонацию, атмосферу. Издавая ее, мы очень надеялись, что наш читатель услышит не только отдельные голоса (сами по себе замечательно интересные и неповторимые), но и то, как они «перекликаются». Интервью полны взаимных отсылок, уважительных подначек, «домашних» шуток – при том, что датированы разными годами – и создают объемное, «голографическое» представление о цеховом духе, а заодно и истории направления.

Книга сама по себе удивительна и может послужить «терапевтической метафорой» для российского профессионала, опечаленного тем, что клиенты предпочитают экстрасенса, журналисты задают глупые вопросы, а представители традиционной медицины по-прежнему верят только в анализы... А уж до признания семейной терапии со всеми ее внутренними разногласиями, видимо, не дожить. Вот разве что книжку почитать...

Между тем, семейная терапия как социальное явление возникла на Западе без благословения психотерапевтического «мейнстрима» и даже в оппозиции к нему – пустила корни в ничейной земле между официальной психиатрией и социальной работой. Бралась за то, за что другие не хотели: анорексия, семьи шизофреников, иммигрантские проблемы. Допустила, что терапия может быть недолгой и недорогой. Взясась готовить семейных консультантов «из народа», не имеющих за плечами базового

образования, дав им тем самым жизненную перспективу и заработок, а самому направлению – широкую социальную базу, «капиллярную сеть». Попутно выработала собственные методики и стандарты обучения. В конце концов, стала массовым явлением, с которым невозможно не считаться, – и все это на памяти одной генерации профессионалов!

Голоса людей, сформировавших этот процесс, звучат со страниц книги. Мы думаем, что встреча с ними может стать настоящим событием для нашего читателя – как в жизни может стать им визит в большую, сильную и сложную семью.

*Леонид Кроль,
Екатерина Михайлова*

НЕ МИР, НО МЕЧ

Предисловие к книге К.Витакера, В.Бамберри «Танцы с семьей (Семейная терапия: символический подход, основанный на личностном опыте)»

«Я обнаружил, что четыре «данности» существования имеют прямое отношение к психотерапии: неизбежность смерти – нашей и тех, кого мы любим; свобода сделать с собственной жизнью что угодно, наше абсолютное одиночество в мире и, наконец, отсутствие в жизни какого бы то ни было очевидного, готового смысла или значения. Эти «данности» могут показаться мрачными, однако содержат семена мудрости и искупления».

Ирвин Ялом

«Палач любви и другие рассказы о психотерапии»

Книга выводит из равновесия с первой страницы (особо устойчивых – с третьей). Озадачивает, восхищает, возмущает. Даже пугает – как неожиданная встреча нос к носу, скажем, с тигром. Мощь, красота, острое ощущение неординарности события... Но тигр все-таки, кто его знает... Говорите, ручной – профессор, классик, «отец-основатель»? Какой же он ручной, вон что делает!

Карл Витакер умер в апреле 1995 года. Родом был из американской сельской глубинки, вырастил шестерых детей с единственной и любимой женой Мюриэл. Примерно шестьдесят из своих восьмидесяти трех лет работал психотерапевтом. Индивидуальным, потом – групповым, а последние сорок лет – семейным. «Работать» для него означало прежде всего выводить системы из равновесия.

В другой своей книге («Полночные размышления семейного терапевта») Витакер рассказывает о том, как в разные периоды жизни его опыт (иногда мучительный, «тупиковый» или кажущийся таковым) становился осмысленным и превращался во взгляды. Выражены они афористически и передают терпкий вкус экзистенциальных парадоксов, без которых его подхода просто нет. Судите сами: «Моя бредовая система: «Манифест Витакера»; «Изменение семьи означает страдание»; «Как сужать свой мир до тех пор, пока не окажешься в настоящем времени»... и так далее в том же духе.

Надо заметить, что буквально все, что Витакер говорит о семье и браке (и в этой книге тоже), принимается с трудом.

Во-первых, это сложно: он оперирует в «неэвклидовом» пространстве, постоянно напоминает о зияющих совсем рядом черных дырах абсурда, сбивает с толку. Мысль собеседника (читателя) смущена. Это очень заметно в вопросах Дж.Бамберри. (Некоторые фрагменты их диалога напоминают беседу с учителем дзен или, к примеру, с Милтоном Эриксоном.)

Во-вторых, Витакер «на ты» с теми самыми данностями существования, которые, по осторожному утверждению Ялома, «могут показаться мрачными». В частности, он настаивает на том, что боль в семье избыть нельзя – ее можно только более творчески использовать. Впрочем, читатель может найти и еще что-нибудь, что шокирует его сильнее. Тридцать-сорок лет назад Витакера нередко объявляли сумасшедшим или хулиганом, а он и не возражал. Кто еще посмел бы публично назвать свое профессиональное кредо «бредовой системой»?

В этой книге нам дается возможность рассмотреть в деталях, как этот профессор психиатрии, президент Академии психотерапии, и прочая, и прочая – делает работу юрודивого: говорит правду в иносказательной форме. А правда неудобная, жалающая, отменяющая привычную «картинку»... И вот профессионал – по определению, «умный» – сознательно умалчивается до того, чтобы на каком-то символическом уровне, может быть, эту правду передать, а для тех, кому ее принять невозможно, остаться, мягко говоря, эксцентричным стариком, который эвона какую чушь несет. При ближайшем рассмотрении оказывается, что чушь и шокирующие ассоциации отмерены твердой рукой – «во юродство претворился волею»...

Витакер считал подробный расспрос семьи бестактностью, подглядыванием в щелочку и называл такую тактику порнографической – нельзя «умному» и «одетому» выворачивать наизнанку людей, которые, может быть, и сочли бы это нормальной медицинской необходимостью. Но, страшно сказать, на сессиях он порой засыпал, даже видел короткие сны и был совершенно уверен, что они, как и момент засыпания, – суть его бессознательная интерпретация происходящего, которая тут же и пускалась в дело. Разница между той и этой бестактностью в том, кто в результате уязвим. Или неприличен. Или ненормален.

Впрочем, и сама структура этой книги – подробно документированный «случай» с комментариями – делает мастера уязвимым: протокол позволяет нам «подглядывать», судить и интерпретировать терапевтические интервенции. Иногда они достаточно традиционны (для семейной терапии, конечно), но чаще – абсолютно витакеровские, «тигриные». Высочайший класс работы очевиден, воспроизвести – невозможно.

Оно и к лучшему: тихий ужас охватывает при мысли о рьяном коллеге, который, впечатлившись и проникнувшись, прямо так и начнет

всем подряд лепить на консультации: мол, кто в семье хочет вашего самоубийства? С какого возраста захотелось (или расхотелось, неважно) спать с дочерью? (Как будто нашим клиентам в их жизни и без того мало хамили! Господи, пронеси...)

«Невозможные» пассажи Витакера бесконечно далеки от буквального расспроса или интерпретации: это метафорические послания, своего рода стихи, в которых «рифмы» и «ассонансы» не менее важны, чем тема, и поистине – из песни слова не выкинешь. Слово же приобретает множественные (и иные) смыслы, отрывается от обыденного своего употребления, да и бытовые его значения поворачиваются забытыми или странными гранями и все вместе создает некий эффект... Ну, впрочем, в отношении стихов это давно и хорошо известно. Как известно и то, что получилось, когда текст «Песни песней» был воспринят не как поэзия, а как «инструкция по сборке»: «И на них – литое чудо (отвратительней верблюда) – медный в шесть локтей болван...»

Последствия буквального понимания метафор в лучшем случае уродливы и смешны, как этот «скульптурный портрет Суламифи» у Саши Черного. В худшем – трагичны, о чем свидетельствуют источники высочайшие и серьезнейшие. И от века говорящий притчами обречен на непонимание, составляющее, видимо, важную часть его миссии.

«Хорошо, – скажет более вдумчивый читатель, – а какой же смысл в этой книге, если в качестве методического пособия ее не используешь?» А такой, как вообще в возможности близко наблюдать работу больших мастеров: повторить невозможно, но и пропустить нельзя, сама встреча с фигурой такого масштаба – род инициации. Событие. Испытание.

Методические же пособия пишут, как известно, ассистенты и доценты на кафедрах. И дело это нужное и полезное, однако, к личным озарениям читающего никак не ведущее. Почему – не известно. Возможно, большинство ассистентов и доцентов недостаточно поэты. Или недостаточно безумцы.

И об этом Карл Витакер, понимающий толк и в том, и в другом, писал: «Профессионалам вообще не свойственно делать что-то для них новое – может быть, только когда (заботами и изобретательностью пациентов) их на это толкает жизнь».

Екатерина Михайлова

О, МУЗА ПЛАЧА...

*Предисловие к книге «Психодрама: вдохновение и техники
(Под редакцией П.Холмса, М.Карп)»*

*Все мы были ребенками, и вот что из ребенков получается.
Леонид Леонов, «Вор»*

*Я видела упадок плоти
И грубо поврежденный дух,
Но помышляла о субботе,
Когда родные к ним придут.*

*Белла Ахмадулина
(Из больничного цикла)*

Сборник прекрасных статей, сильно и свободно написанных профессионалами высокого класса, отвечает на многие вопросы: что такое классическая психодрама в Европе сегодня, чего она как метод требует от психотерапевта, как «техники» соотносятся с «вдохновением» и – что, возможно, для нас важнее – каким потребностям, какому запросу этот метод отвечает в наибольшей мере. Или, если угодно, за какие проблемы отваживается браться.

«Спецконтингенты», встающие со страниц сборника, – по большей части те, с кем работать трудно и о ком «приличная публика» предпочла бы вообще не помнить. Заключение, умственно отсталые подростки, онкологические больные, дети, пережившие сексуальное посягательство, взрослые, выросшие в дисфункциональных семьях... Жертвы, преступники, сирые, убогие... К тому же ясно, что это – именно те «клиенты», которые вообще (и в психотерапии – в частности) не склонны рефлексировать, анализировать, осознавать: одним, что называется, нечем, другим – слишком страшно, третьи вообще не верят никаким словам и в грош их не ставят. Описанная в других главах работа с обычными (даже очень трудными) подростками и нормальной (даже крайне сложной) семьей воспринимается на этом фоне почти идиллической картиной, напоминающей о том, что «ведь где-то есть простая жизнь и свет...»

Адам Блатнер, чьи книги известны каждому психодраматисту, писал: «Профессионалы, обладающие самым высоким статусом, в качестве своего «экономического контекста» избрали частную практику. Тем же проблемам, с которыми обычно обращаются к частнопрактикующим психотерапевтам, в наибольшей мере отвечали аналитические подходы.

Уже одно то, что Морено издавна работал с заключенными, умственно отсталыми, психотиками, слишком контрастировало с интересами большинства профессионалов и делало его «базу данных» едва ли пригодной и применимой для них. Правда, уже начиная с 60-х годов появляется множество работ, отчетливо показывающих эффективность психодрамы и по отношению к стандартным «невротическим» проблемам»¹.

Заметим сразу: это сказано представителем метода, его верным рыцарем и многолетним толкователем, который нисколько не сомневается в могуществе психодрамы, но и не может не замечать ее давней, еще от самого Джей Эл Морено пошедшей склонности к скорбным, неуютным и опасным пространствам. И поскольку сам метод не признает «просто

¹ Adam Blatner. Foundations of Psychodrama, History, Theory and Practice. 3-d edition, p.88.

совпадений», можно считать неслучайным и то, что он как нигде в мире прижился и расцвел в Латинской Америке с ее диктатурами, карнавалами, страшной и свежей памятью о бесследно исчезающих людях, трущобами и экзотической (для более благополучного мира) «фактурой»...

Интересно также и то, что из всех представителей всех методов психотерапии именно психодраматисты первыми появились в России с программой настоящего – многолетнего и систематического – обучения методу, хотя, казалось бы, «что он Гекубе»...

Предсказывать судьбу русской психодрамы – дело неблагодарное, у нас вообще с предсказуемостью плохо, да и клиенты говорят на своем чудесном, корявом языке, что, мол, «у нас вся жизнь – сплошная психодрама», то есть и так страстей-мордастей через край. (Кстати, именно то, что слово *кажется* понятным, создает специфические трудности для профессионала, взявшегося работать этим методом: одних потенциальных клиентов оно пугает сразу, другие, наоборот, «крови жаждут». Первых больше.)

Как бы там ни было, но встреча российского профессионального сообщества с психодрамой совершенно закономерна, хотя она готова к ней, пожалуй, больше, чем мы.

...Однажды (и не так давно, но все равно в другой жизни – быстро они у нас мелькают) у автора этих строк состоялся достопамятный разговор с Йораном Хёгбергом, первым учителем, которому мы во многом обязаны всей короткой историей психодрамы в России. Говорили, понятное дело, о ней и – контрапунктом – о том, что в тот момент было за московским окном: о помойке. Как раз тогда ее было особенно много, а город казался просто умирающим – почти Венеция, только не так красиво. Как раз тогда поэзия распада и полураспада сменила искусственный оптимизм предыдущей эпохи, и уже просто не стало такой пакости, которая не была бы произнесена и адресована, эксгумирована или, напротив, напророчена. И все это оказалось странно, непрямо связано с главной темой разговора – спецификой реагирования, сопротивления, в частности, в российских психодраматических группах: как водится, на одно «да» – три-четыре «нет», упрямое уклончивое недоверие вперемешку с жаждой немедленного чуда, изощреннейшие способы запутывания, размывания, выворачивания наизнанку всякого простого позитивного сообщения... ну и, конечно, легендарные опоздания... Мы дружно, усилиями маленькой международной команды пытались связать свой личный и групповой опыт с историческим контекстом, разница была лишь в том, что одни участники разговора видели эту связь как бы со стороны, другие – сидя в этом самом контексте по уши: мы знали слишком мною деталей, на пальцах пытались их описывать... А Йоран тогда сказал, что наблюдения наши верные, но неоплаканные могилы важнее «бытовухи».

И на словах с этим нельзя не согласиться, но ведь так легко видеть то, что перед глазами, и невероятно трудно помнить о том, что уже несколько

поколений всегда под ногами, на чем замешена сама почва: об умолчаниях и отведенных глазах, без вести пропавших и в списках не значившихся; о том, что исторически сложившийся «механизм совладания» с такой реальностью – «не верь, не бойся, не проси»; о том, что тысячи деталей годами напоминают о возможности насилия и готовности к нему – в той ли, в другой ли роли.

Эта книга рассказывает о возвращении способности чувствовать и выражать чувства там, где было испытано столько боли, что беспомощность, безнадежность и бесчувствие когда-то оказались лучшим способом выжить. О «послойной» эмоциональной реанимации, опирающейся на знание: минуя гнев и горе, минуя оплакивание потерь, не добравшись до прощения и любви. В давнем разговоре о помойках и могилах Йоран еще сказал, что невыносимая популярность Высоцкого связана, кроме прочего, еще и с тем, что его хриплый рев, его рыдающие согласные – это мужской погребальный плач: пр-р-ротопи ты мне баньку по-бел-лому, я от белого света отвык... «Время ночь», как сказано у другой писательницы, чьи реквиемы и монологи ведут наше упирающееся сознание в «женское отделение» того же привычного ада, где ни родить, ни похоронить по-человечески, а люди этого *как бы* не замечают и скандалят, скандалят – почему бы?

Психодрама ставит нас лицом к лицу с этой подавленной болью и дает возможность перестать ее вытеснять, принять наш общий и свой частный человеческий опыт, научиться оплакивать потери, и не за себя одних.

Я слышу отзвуки этих погребальных плачей в рваных, неумелых рыданиях на психодраматических сессиях, – особенно на тех, где идет работа с «семейным деревом», когда внук сгинувшего в казахстанской ссылке учителя играет *чьего-то* сгоревшего в танке дядю Колю, а правнучка красавицы-попадья – бабушку-комсомолку с наганом на боку. Когда становится до боли ясно, что каждый из нас, все-таки родившихся, – не просто чудом выживший, а победитель, и «наши мертвые нас не оставят в беде», и под безобразной арматурой, торчащей из поверженных памятников и недостроенного бетонного убожества, все равно теплится «любовь к родному пепелищу», а прабабушкины серебряные серьги уже подарены дочке.

* * *

Как и всем остальным методам психотерапии, психодраме учатся долго и преимущественно на себе: через «клиентскую роль». Для российского профессионала это особенно важно, потому что идея обучения через непосредственный опыт у нас еще не стала аксиомой профессиональной подготовки. Психодрама – один из методов, прекрасно дающих почувствовать то общее, что есть у нас с нашими клиентами. А этот сборник – прекрасное подтверждение тому, что она готова к разной работе, в том числе – тяжелой и неблагодарной. Даже те особенности ее

истории, которые когда-то сделали ее не вполне «принятой в приличном обществе» других психотерапевтических подходов, обернулись ей во благо, рост и развитие и лишь объем и задачи предисловия не позволяют говорить сейчас о ее «других лицах». Их много, и выражения гнева или скорби составляют «мимику метода» ровно настолько, насколько это нужно здесь и теперь.

...Однажды в прекрасном и небольшом городе N врачи и психологи решали, заказать ли им длительный – трехлетний – тренинг по психодраме или по гештальт-терапии. Основной довод против первого метода был: «это очень страшно». Может, потому и выбрали?

Екатерина Михайлова

**Серия «БИБЛИОТЕКА ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ»
НФ «КЛАСС»**

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Л.Кроль, Е.Михайлова «Человек-оркестр: микроструктура общения».

Дж.Грэхэм «Как стать родителем самому себе. Счастливый невротик».

Д.Киннер «Клинические ролевые игры и психодрама».

Х.С.Каплан «Иллюстрированное руководство по сексуальной терапии».

Д.В.Винникотт «Разговор с родителями».

Р.Мэй «Искусство психологического консультирования».

Р.Скиннер, Дж.Клииз «Семья и как в ней уцелеть».

Семинар с Милтоном Г.Эриксоном: Уроки гипноза (Редакция и комментарии Дж-Зейга).

М.Эриксон, Э.Росси «Человек из Февраля».

Б.Алман, П.Ламбру «Самогипноз: Руководство по изменению себя».

Б.О'Брайен «Необыкновенное путешествие в безумие и обратно (Операторы и Вещи)».

Р.Хофф «Я вижу вас голыми (Как подготовиться к презентации и с блеском ее провести)».

Дж.Миллс, Р.Кроули «Терапевтические метафоры для детей и внутреннего ребенка».

Д.Бретт «Жила-была девочка, похожая на тебя... (Психотерапевтические истории для детей)».

Р.Саймон «Один к одному (Беседы с создателями семейной терапии)».

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

К.Витакер, В.Бамберри «Танцы с семьей (Семейная терапия: символический подход, основанный на личностном опыте)».

Л.Тобиас «Психологическое консультирование и менеджмент: взгляд клинициста» «Психодрама: вдохновение и техники» (Под редакцией П.Холмса, М.Карп).

И.Польстер, М.Польстер «Интегрированная гештальт-терапия».

Р.Шерман, Н.Фредман «Структурированные техники семейной и супружеской терапии. Руководство».
Дж.Хейли «О Милтоне Эриксоне».

В ПЛАНАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА на 1996-1997гг.

Четырехтомник **«Эволюция психотерапии»**. Главы школ и направлений в форме диалогов говорят о развитии психотерапии и психотерапевта за последние тридцать лет, а также о настоящем и будущем психотерапии.

Знаменитая книга **Ирвина Д.Ялома «Палач любви и другие психотерапевтические истории»**. Литературный бестселлер, он же – описание экзистенциально-гуманистической психотерапии в действии, оно же – разбор десяти интереснейших случаев из практики автора.

Трехтомник **Роберта Дилтса «Стратегии гениев»**. Это – развернутая картина применения техник моделирования в НЛП на «материале» великих людей – от Аристотеля до Фрейда и Эйнштейна.

«Узкопрофессиональные» книги.

Каждая из них принадлежит перу *первого среди равных* того или иного «цеха»:

Пегги Папп «Процесс изменения».

Феликс Келлерман «В центре внимания – психодрама».

Стив Гиллиган «Терапевтические трансы» (Эриксоновский подход).

Роберт Дилтс «Изменение систем убеждений» (НЛП).

Джозеф Вейс «Как психотерапия работает: Процессы и техники» (Психоанализ).

Мэри Гулдинг, Роберт Гулдинг «Терапия «нового решения» (Трансактный анализ).